

Встреча с интересным человеком

На сцену ташкентского Дворца дружбы народов СССР имени В. И. Ленина писатель-сатирик Михаил Задорнов вышел с папкой. В ней хранились написанные им рассказы. Рассказы, полюбившиеся всем нам, и он, разумеется, читал их, зал смеялся, рукоплескал. Но особо запомнились не написанные ранее рассказы, а то, что писатель говорил «от себя», делился увиденным, впечатлениями. И тут уж не только смех звучал в зале, но и возникала долгая тишина, когда необходимо было обдумать, «переварить» услышанное. Я, признаюсь, не уловил того момента, когда концерт отклонился от накатанной колеи и превратился не столько в монолог писателя, сколько в диалог сатирика со своими собеседниками. И собеседники эти не только сме-

ялись острым, подчас злым шуткам, они спорили, соглашались, возражали.

Увлечшись, Михаил Николаевич забыл даже о времени — вместо традиционных, отведенных ему по программе двух часов он пробыл на сцене на сорок минут дольше.

Ему и из-за кулис удалось выбраться далеко не сразу — многие пришли в зал со сборниками рассказов писателя, и Михаил Николаевич еще довольно долго и безропотно подписывал книги.

Видно было, что устал он ужасно, однако от интервью не отказался. Мы нашли на втором этаже дворца рядом с гримерной пустую, полутемную комнату, света зажигать не стали, беседовали не спеша.

ситы, приятно мне выступать в Ленинграде, некоторых районах Москвы. Бывает, что какой-то рассказ воспринимается не сразу. Написал я, например, «Письмо Генеральному секретарю». Раз прочитал, другой — не смеются, более того, «зажато» как-то реагируют. А спустя год этот рассказ стали воспринимать, что называется, на ура. Тема, может, созрела. Но чаще всего у меня со слушателями контакт налаживается все же хороший. Я отношу это за счет того, что процентов эдак шестьдесят моей аудитории составляет читающая публика.

Поясню. Пародист Александр Иванов, к примеру, известен всей стране. «На него» уже стало ходить престижно. Ну как же, приехал Иванов, а я не был на его выступлении. Непорядок. Ну а поскольку я еще не являюсь такой вот знаменитостью, то на мои выступления приходят те, кто читал мои рассказы, кому они нравятся.

— А в компаниях друзей вы столь же остроумны, как на бумаге и на сцене?

— Только когда хорошее настроение. А то, знаете, позвонят в гости и ждут, что я непременно должен хохмить. Это же невозможно — шутить по заказу. Я вот познакомился как-то с одним человеком. Пригласил он меня в гости, посидели немного, он мне и говорит: «Ну а теперь давай, Миша, исполни «Два девятых вагона». Я больше к нему не хожу в гости и отношений с ним не поддерживаю.

— Можно ли писателю-сатирику задать вопрос о его творческих планах?

— Я как-то в одном киношном журнале увидел рядышком два интервью — с советским кинорежиссером и с Феллини. Им задали вопрос о творческих планах. Ну наш на полстраницы наговорил о том, что ему в ближайшее время предстоит снимать высокохудожественные полотна о том, как плавают сталь, убирают хлеб, выполняют план и что-то там еще. А Феллини коротко ответил, что о своих творческих планах он пока еще ничего не знает. Так что я, если позволите, «сработаю под Феллини»...

Интервью взял
О. ЯКУБОВ.

Корр. «Правды Востока».

— А когда вы обнаружили в себе чувство юмора?

— Совершенно отчетливо помню, что это было в шесть лет. Я тогда услышал песенку: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня?» и тут же ее переиначил, стал петь: «...Полная задорнова огня». Так что это был мой первый в жизни каламбур. Ну а родители рассказывают, что когда я родился, то, вопреки всем законам, не заплакал, а засмеялся. Я, конечно, этого помнить не могу, но охотно верю. Потому, что когда в зрелом возрасте увидел роддом, где когда-то родился, то смеялся очень долго. Горьким, правдой, смехом.

— Ну а как же тогда получилось, что вы — человек с обостренным чувством юмора и вдруг поступили в Московский авиационный институт?

— Мой отец — писатель, но мое будущее он видел в инженерных науках. Отец считал, что лучше быть плохим инженером, чем плохим писателем. В школе у меня довольно неплохие были взаимоотношения с математикой, я решил, что этого достаточно для овладения инженерной профессией. Ничего из этого хорошего, разумеется, не получилось, инженером я, как видите, так и не стал и иногда шучу перед зрителями, что до сих пор удивляюсь, как это самолеты летают, а крыльями не машут.

В институте я увлекся художественной самодеятельностью, жить не мог без КВН, и в этих своих увлечениях весьма преуспел. Хотя, скажу честно, от самодеятельности устал зверски, до сих пор изза нее не люблю шумных сборищ и больших компаний.

— А когда вы опубликовали свои первые рассказы?

— Сравнительно недавно — десять лет назад, уже в тридцатилетнем возрасте. Восемь лет я исправно приходил в «Литературную газету», и восемь лет редактор отдела, прочтя мою очередную рукопись, слегка заикаясь, говорил: «Ф-фигня». На

ся, когда видишь, что ничего не меняется. Вот я всегда мечтал приехать в Среднюю Азию, никогда не видел Ташкента. Красивый город, приятные люди. Но изнанка! Изнанка-то неприглядная, а порой ужасающая. Грязь, изрытые улицы. Пришел на базар и просто ощутил, как веками ломали народные

СМЕЯТЬСЯ,
ПРАВО,
НЕ ГРЕШНО...

этом рецензирование заканчивалось, и я удалялся до следующего визита. Впоследствии редактор, вероятно, решил, что проще меня опубликовать, чем рецензировать, и так появился на свет мой первый рассказ. Я был молод, упорен. Сейчас бы меня на восьмилетнее бесплодное хождение уже не хватило.

— Михаил Николаевич, извините за прямоту, вы не злой человек?

— ?

— Мне показалось во время вашего выступления, что вы, рассказывая о каких-то недостатках, сильно злились...

— Я бы сказал, не злился, а озлоблялся. У меня так бывает довольно часто, когда я сам себя «завожу». Просто больно смотреть на наши глупости, порой на откровенную тупость. И злишь-

традиции, они пробиваются, словно травка через асфальт, но жалки эти росточки. И повсюду плакаты, лозунги, транспаранты, многие просто безграмотны, часто — смешны. Ну, скажите на милость, какому «гению» принадлежит, допустим, такое творение. На плакате написано: «Ленин жил, Ленин жил, Ленин будет жить». И подпись: «В. И. Ленин». И смеяться, вроде, грешно. Но оружием-то сатирика, простите за прописную истину, остается смех.

— Вам часто приходится выступать перед большими аудиториями. Насколько легко вы находите контакт со своими слушателями?

— Это зависит не только от меня, но и от аудитории. В Ташкенте, кстати сказать, очень восприимчивый зритель, легкий, как я называю. Так же восприимчивы одес-